

Заграт Айгумова, Владислав Айгунов

ВЫБОР БРАЧНОГО ПАРТНЕРА: РУССКАЯ И ДАГЕСТАНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ

Выбор брачного
партнера как
психологически
значимый акт

В условиях современной жизни при интенсивном межэтническом и межконфессиональном взаимодействии на одном геополитическом пространстве проблема брачной мотивации в контексте культур приобретает особое звучание для научного решения теоретических и прикладных задач психологии развития.

Выбор брачного партнера – это психологически значимый акт социальной ситуации развития личности, представляющий собой последовательную серию действий на основании брачных установок по подбору подходящего спутника жизни. Выбор брачного партнера базируется на совокупности биологически и социально обусловленных личностных характеристик, формирующихся у личности в процессе гендерной социализа-

ции и половой идентификации и получающих окончательное оформление в процессе ухаживания и семейного обособления. Мотивация выбора брачного партнера приобретает целостный, законченный вид в культурном контексте.

В семейном функционировании нередко встречаются различные психологические нарушения, возникающие у супругов (отсутствие взаимопонимания, разочарования, конфликты и др.). Практика психологического сопровождения брачующихся, консультативной и психотерапевтической работы с молодыми людьми, желающими связать себя узами брака, требует опоры на теоретические исследования оснований брачного выбора, на представления о том, каковы особенности мотивации выбора брачного партнера в современных условиях. В связи с тем, что предбрачный период является ключевым для формирования успеха и гармонии последующей семейной жизни, представляется необходимым изучение предбрачного общения и его влияния на дальнейшую семейную жизнь, выявление особенностей мотивации брачного выбора в различных культурных традициях.

Методология
исследования

Мы полагаем, что мотивация выбора брачного партнера определяется представлениями молодежи о функционально-ролевой структуре семьи, индивидуальными ценностями, личностными установками на брак, а также степенью идентификации или обособления личности по отношению к традиционной культуре.

Методологической основой исследования является идея о развитии личности путем присвоения материальной и духовной культуры общества, получившая дальнейшую разработку в отечественной психологии.

Теоретически основополагающей для нас стала концепция основных реалий бытия личности, выделенных В.С. Мухиной [1]. Выбор брачного партнера для молодежи означает уникальную возможность реализации своей социальной и биологической сущности, определенный этап социального вхождения в сообщество взрослых людей. При исследовании мотивации выбора брачного партнера мы оперируем теоретическими положениями концепции В.С. Мухиной, согласно которым устойчивые связи со «значимыми другими» возможны в сфере ценностных ориентаций и мировоззрения человека при сохранении его уникальной целостности и тождественности самому себе.

Обоснование методов исследования

Многозначность мотивационных брачных проявлений и намерений определила многообразие различных методик, используемых нами для их изучения.

Диагностические методики, использованные в эмпирическом исследовании [2]:

1. Тест измерения мотивации аффилиации, составленный А. Мехрабианом.
2. Тест культурно-ценностных ориентаций Д. Таусенда (в адаптации Л.Г. Почебут).
3. Тест изучения ценностей Ш. Шварца.
4. Психобиографическая анкета, составленная Э.Э. Сыманюк (модифицированный вариант).
5. Тест самоактуализации А. Шостром.
6. Методика «Ролевые ожидания и притязания» (РОП) А.Н. Волковой.

Выбор методик обусловлен особенностями предмета исследования и определялся следующими критериями:

1. Включением в исследование параметров, отражающих степень выраженности базовых ментальных ценностных ориентаций.
2. Известностью и поэтому высокой степенью разработанности методик: тест Дж. Таусенда на основе теории ценностных ориентаций Ф. Клакхон и Ф. Стродбека и тест Ш. Шварца, разработанный на основе тестов М. Рокича.
3. Возможностью сопоставления личностных особенностей и сугубо матримониальных ценностей (тест аффилиации, психобиографическая анкета).
4. Возможностью количественного представления результатов с целью дальнейшей математико-статистической обработки.
5. Возможностью многостороннего исследования различных сторон мотивации выбора брачного партнера в русской и дагестанской культурах.
6. Возможностью проверки предположений о влиянии личностных особенностей, индивидуальных ценностей, культурно-ориентированных ориентаций, антиципации (предвосхищения будущего) и родительского программирования на мотивацию выбора брачного партнера.

Выборка

Настоящее исследование проводилось в течение 2005–2008 годов на базе вузов Москвы и Махачкалы. Всего в исследовании приняло участие 208 человек, из них относящие себя к русской культуре – 104 человека, и относящие себя к дагестанской культуре – 104 человека. Все испытуемые городского происхождения, из моноэтнических семей. Образование респондентов – высшее и неполное высшее.

Общепсихологическая проблематика мотивации поведения человека

Общепсихологическая проблематика мотивации поведения человека получает практическое воплощение в решении проблемы выбора брачного партнера на определенном этапе жизненного пути.

Одним из первых стал размышлять над причинами вступления в брак основатель классического психоанализа З. Фрейд [3]. Его *психоаналитическая теория* опирается на предположение о влечении, которое дети испытывают к родителям противоположного пола. Благодаря сложному бессознательному процессу они могут переносить любовь, испытываемую ими к этому родителю, на своих потенциальных супругов.

Желание объяснить механизм брачного выбора привело к созданию ряда концепций: теория комплементарных потребностей, теория «стимул–ценность–роль», инструментальная теория подбора супругов, теория «фильтров», «круговая теория любви».

Определенные стадии выбора партнера выделяет американский социальный психолог Д. Адамс [4], который изучал стабильные студенческие пары на протяжении шести месяцев.

Мотивация выбора брачного партнера

В отечественной психологии проблема выбора партнера, как и специфика добрачного и предбрачного периодов, крайне редко являлась предметом научных исследований. Потребность в семейном объединении рассматривается многими учеными как одна из важнейших потребностей молодого человека. Согласно В.С. Мухиной, мотивационные усилия в молодом возрасте направлены на реализацию себя в сфере физического, умственного и личностного развития. Автор выделяет ориентации, на которые распространяются притязания молодых людей. К ним относятся: приобретение эмоциональной и экономической независимости; развитие духовного и интеллектуального потенциала; подготовка к профессии и первичная профессиональная адаптация; начало самостоятельной семейной жизни.

Рассматривая проблему мотивационных устремлений молодых людей, отечественные ученые исходили из марксистского положения о социальной ситуации развития как основном факторе, определяющем формирование личности семьянина.

По мнению Е.В. Фотеевой [5], на вступление в брак влияют, прежде всего, половые стереотипы, что может сказываться на мотивах вступления в брак, на образе брачного партнера. Результаты исследования М.А. Абалакиной [6] показывают, что для межличностного восприятия в предбрачной паре характерна идеализация партнера,

вследствие чего завышаются требования, предъявляемые к партнеру, искажаются брачные мотивы.

Наиболее широкими и одновременно действующими мощным образом в выборе партнера являются культурологические факторы. Важнейшим из них является так называемое правило эндогамии-экзогамии. Его функциональная роль состоит в ограничении поля возможных выборов брачного партнера. В психологии семьи правило эндогамии следует понимать как предписание (принуждение) выбирать себе брачного партнера из своей собственной этнической группы, но из разных кланов (если они есть).

Социокультурные факторы брачного отбора

Действие социокультурных факторов брачного отбора объясняет, почему в процессе поиска «суженого» доминирует тенденция к гомогамии, к тому, что супруги оказываются схожими (как правило) в своих наиболее существенных характеристиках. Но действие этих факторов не объясняет, как конкретно происходит отбор, каковы его социально-психологические механизмы, каким именно образом получается так, что одни браки оказываются гомогамными, а другие — гетерогамными. Ответы на все эти вопросы дают социально-психологические и психологические теории брачного отбора, в фокусе внимания которых такие проблемы, как комплементарные (дополнительные) потребности, обмены, социализационные факторы, в том числе влияние родителей. В частности, одна из теорий, связывающих степень гомогамии с влиянием родителей, исходит из предположения, что тот факт, будет ли брак детей гомогамным или нет, зависит от характера чувств, эмоций, связывающих родителей и детей.

Психолог С.В. Ковалев [7] считает, что люди вступают в брак, в основном ориентируясь на него (по убыванию) как на хозяйственно-бытовой союз; союз нравственно-психологический; союз семейно-родительский, педагогический; союз интимно-личный. Однако, по мнению автора, ни одна из этих целей не исключает других.

Вступление в брак побуждается системой мотивов

Вступление в брак побуждается системой мотивов, образующих определенную иерархию, в рамках которой можно говорить о смыслообразующих мотивах и мотивах-побудителях. Мотивы различаются степенью осознанности, варьируя в широком диапазоне от сознательных намерений до бессознательных мотивов. Наконец, мотивы могут реализовать направленность на достижение и направленность на избегание.

Мотивы заключения брака реализуют жизненно значимое отношение личности к миру, составляют ос-

нову иерархии человеческих потребностей, отраженных в известной пирамиде А. Маслоу [8]. Наиболее значимыми являются мотивы:

- любить самому и быть любимым партнером;
- самоутверждения и самореализации, в том числе, мотив социального и статусного утверждения;
- удовлетворяющие потребность в чувстве безопасности, где партнер выступает своеобразным заместителем родителя;
- аффилиации;
- самоактуализации через разделение идентичности в отношениях со «значимым другим»;
- продолжения рода и стремления к реализации роли родителя;
- сексуальное влечение к партнеру и желание иметь стабильные сексуальные отношения;
- прагматический мотив (улучшение жилищных условий, материального положения как собственного, так и прародительской семьи с помощью партнера).

Для будущего развития супружеских отношений оказывается крайне важной степень совпадения мотивов каждого из партнеров, определяющая меру совпадения ожиданий в отношении брака.

Зарубежные и отечественные теории выбора брачного партнера, на наш взгляд, объединяются в основном двумя идеями. Во-первых, почти все они базируются на принципе социально-культурной гомогамии. Во-вторых, механизм выбора партнера представлен как система фильтров (стадий), последовательно сужающих круг возможных избранников, отсекая неподходящих.

Другим аспектом человеческой ситуации, тесно связанным с потребностью в связанности, является то, что человек испытывает потребность трансцендировать, превзойти свое положение пассивного создания. С точки зрения гуманистической концепции, человек в акте творения трансцендирует, преодолевая пределы самого себя как единичного социального агента, поднимаясь над пассивностью и случайностью. Творчество предполагает активность и заботу о другом человеке, близком и дорогом.

Э. Фромм [9] утверждает, что цель брачного поведения мужчин и женщин заключается в том, чтобы быть любимым, чтобы возбудить чувство любви к себе. Мужчины и женщины идут к этой цели разными путями. Большинство людей убеждено, что для завоевания любви достаточно обладать внешней и сексуальной привлекательностью.

Потребность
трансцендировать
и быть любимым

Роль культурной среды

Не последнюю роль в этом контексте играет культурная среда. Однако в критериях выбора брачного партнера у народов мира больше сходств, чем различий. Психолог Д. Басс [10] опросил свыше 10 тысяч мужчин и женщин из 37 стран, расположенных на шести континентах и пяти островах, о том, какие качества они ценят в потенциальных партнерах. На первом месте всюду оказалась «взаимная любовь/привязанность», затем следуют надежность, эмоциональная устойчивость, зрелость и приятный характер.

Гендерные различия мотивации выбора партнера

Мужские и женские ожидания сильно расходятся. Мужчины больше озабочены такими чертами, которые прямо или косвенно свидетельствуют о репродуктивных возможностях женщин – молодость, привлекательная внешность. Женщины же больше заинтересованы в материальных возможностях мужчины, его способности содержать семью и выкормить потомство. В этих вопросах половая принадлежность решительно перевешивает культурные и региональные различия. Что же касается остальных черт, таких как целомудрие, честолубие, предпочитаемый возраст, то здесь тон задает культура.

По результатам кросс-культурных исследований Д. Басс выдвинул гипотезу о том, что выбор брачного партнера основан на эволюционной стратегии, оптимально подходящей для обеспечения выживания вида.

Таким образом, существует многообразие теорий выбора брачного партнера, разные ученые выделяют разные критерии такого выбора, но фактически все авторы единодушно называют определенный их набор. В то же время установленным считается факт перехода от семьи, основанной на следовании социокультурным предписаниям, к семье, в основе которой лежат межличностные предпочтения, что обсуждается в современной психологии как перестройка ведущих мотивов заключения и сохранения браков.

Ситуация выбора модели семьи в контексте культуры

Ситуацией, актуализирующей брачную мотивацию, является ситуация выбора модели семьи, где понятие «выбор» нами определяется как выработка решения на основе предпочтений и гендерного социального опыта личности. Брачная установка в ситуации выбора модели семьи выступает как средство, обеспечивающее целостное брачное поведение человека в контексте культурной принадлежности.

Согласно наиболее распространенному сегодня пониманию этого термина, культура есть смыслонесущий и смыслопередающий аспект человеческой практики и ее результатов, символическое измерение социальных

событий, позволяющее индивидам жить в особом жизненном мире, который они все более или менее понимают, и совершать поступки, характер которых понят всеми остальными.

Таким образом, выбор брачного партнера имеет социальную, культурно-историческую природу, но его мотивационными детерминантами становятся личностные особенности человека. Выбор брачного партнера как культурный феномен включает два пласта: ценностно-нормативный и поведенчески-дескриптивный. Мотивация выбора брачного партнера предполагает не только оперирование некоторыми базовыми представлениями о супружестве и о должном предбрачном поведении, знаниями о способах ухаживания и о типичных социально желательных эмоциях, предшествующих браку, но и опору на некоторые ценности и нормы, так или иначе связанные с вступлением в брак.

Отталкиваясь от выше изложенного теоретического анализа, обсудим результаты эмпирического исследования выбора партнера в русской и дагестанской культурах.

На уровне нормативных идеалов у русской молодежи выше значимость ценностей щедрости, самостоятельности, стимуляции, достижений и власти. Социально-ценностная ориентация (на уровне нормативных идеалов) респондентов в рамках русской культуры представлена высокими показателями личной, индивидуальной успешности (предпочтение самостоятельности, власти, достижений, стимуляции) в благополучной контактной среде (отсюда значимость щедрости). Как тенденцию это можно было обозначить так: ценность в области Я и Другие.

У дагестанской молодежи на уровне нормативных идеалов выше значимость конформности, традиций, универсализма, гедонизма и безопасности. Социально-ценностная ориентация (на уровне нормативных идеалов) респондентов, идентифицирующих себя с мусульманской культурой, представлена высокими показателями (по сравнению с русской молодежью) группоцентризма (ценности традиции, универсализм, конформность и безопасность) с элементами чувственных удовольствий (ценность гедонизма). Как тенденцию это можно обозначить так: ценность в области Другие и Я.

Таким образом, в абсолютном значении ценностей между представителями двух культур есть различия в связи с интенсивностью и выраженностью мотивационных целей. Однако по ранговым позициям различий

Эмпирическое исследование выбора партнера в русской и дагестанской культурах

Близость религиозно-этнического менталитета русской и дагестанской молодежи на уровне нормативных идеалов

Тождественность
и обособленность
русской
и дагестанской
молодежи

практически нет, во всяком случае, они обнаруживаются только по трем ценностным ориентациям. Для дагестанской молодежи ценности безопасности и щедрости получают более высокие ранговые места, для русской – ценность самостоятельности имеет более высокий ранг. Это позволяет утверждать, что в целом для русской и дагестанской молодежи ранговые позиции ценностных ориентаций совпадают, некоторые различия касаются групповой (для дагестанской молодежи) или индивидуалистической (для русской молодежи) «окрашенности» ценностной сферы. На основании данных о значимой корреляции ($p < 0,01$ $R_s = 0,995$) между иерархиями ценностных ориентаций русской и дагестанской молодежи можно сделать вывод о близости религиозно-этнического менталитета наших респондентов на уровне нормативных идеалов.

Рассмотрим, что же происходит с ценностными ориентациями на уровне индивидуальных приоритетов, то есть как это отражается в профиле личности (таблица 1).

У русской молодежи выше по абсолютной величине значимость ценностей щедрости, самостоятельности, стимуляции, гедонизма, достижений и власти, у дагестанской на уровне индивидуальных приоритетов выше значимость показателей конформности, традиций, универсализма и безопасности. Картина индивидуальных ценностных приоритетов близка к картине ценностей на уровне нормативных идеалов. Только позиция индивидуалистичности русской молодежи получает еще большее выражение, поскольку к значимым ценностям добавляется еще и гедонизм.

Таблица 1

**Ценности на уровне индивидуальных приоритетов
русской и дагестанской молодежи**

	русская	ранги ценностей	дагестан- ская	ранги ценностей
Конформность	5,195652	8	6,80769	6
Традиции	3,717391	10	5,33654	9
Щедрость	9,413043	3	8,56731	4
Универсализм	10,67391	2	12,6827	1
Самостоятельность	11,04348	1	9,49038	2
Стимуляция	6,456522	7	6,05769	8
Гедонизм	6,869565	6	6,77885	7
Достижения	9,326087	4	8,40385	5
Власть	5,021739	9	4,08654	10
Безопасность	8,543478	5	9,39423	3

Группоцентризм дагестанской молодежи и независимость русской молодежи в выборе партнера по браку

В дагестанской среде выше коэффициент брачности

На уровне индивидуальных приоритетов у респондентов, представляющих две разные культуры, по ранговым позициям вообще нет совпадений. Это видно как по первым ранговым местам (для дагестанской молодежи более значима мотивационная цель – универсализм, а для русской – самостоятельность), так и по последним ранговым местам ценностных ориентаций (у дагестанской молодежи замыкает список ценность власти, у русской замыкает список ценность традиций).

Таким образом, для русской и дагестанской молодежи на уровне социальной желательности в ценностной сфере обнаруживается большее ценностное единство, чем на уровне индивидуальных приоритетов, то есть в декларативном плане сопряжения больше, чем в реальности мировоззрения каждой персоны. Как социальные единицы наши респонденты, принадлежащие к разным культурам и конфессиям, более тождественны, как уникальности они более обособлены. Вероятно, это будет иметь свое отражение в выборе брачного партнера. Поскольку ценностные ориентации являются регуляторами поведенческих проявлений, то кажущееся (декларируемое) социально-ценностное единство будет разрушаться при большем сближении в связи с различиями индивидуальных ценностных приоритетов. Дагестанская молодежь в выборе партнера будет больше ориентироваться на своих ближних (эффект группоцентризма), так называемый «выбор с учетом дальнего и ближнего родства». Здесь будут сказываться ценности конформности, универсализма, традиций и пр. Русская молодежь будет более самостоятельна, активна и независима в выборе спутника жизни.

Но брачный союз представляет собой реализацию потребности в близости, взаимопонимании, аффилиации (таблица 2).

Таблица 2

Мотивация аффилиации русской и дагестанской молодежи

мотивы	русская	дагестанская
Стремление к принятию	130,9348	254,798
Страх быть отвергнутым	116,3261	126,543

В мотивации аффилиации дагестанской молодежи как страх быть отвергнутым, так и стремление к принятию одинаково сильны, чего нельзя сказать про русскую молодежь. И быть отвергнутыми, и быть принятыми слабее выражены в русской выборке респондентов. Но и для тех и других стремление к принятию вы-

Семейные ценности, ролевые ожидания и притязания русских и дагестанских молодых людей

ше, чем страх быть отвергнутыми, то есть преобладает установка на позитивное объединение, на реализацию потребности быть принятым. Поскольку обе мотивационные тенденции сильнее выражены у дагестанской молодежи, можно прогнозировать, что в дагестанской среде будет выше коэффициент брачности (то есть число одиноких взрослых людей, не состоящих в браке) здесь будет значительно меньше, то есть потребность в объединении у них намного выше.

Анализ семейных ценностей, ролевых ожиданий и притязаний молодых людей дает нам следующую картину:

1. *Шкала значимости сексуальных отношений в супружестве.* Для русской молодежи значимость сексуального компонента брака незначительно выше такого же показателя у дагестанской молодежи. Предполагаем, что это может быть объяснимо тем, что дагестанские девушки, отвечая на вопросы, были более закрыты, чем их русские сверстницы.

2. *Шкала, отражающая установку юноши (девушки) на личностную идентификацию с брачным партнером: ожидание общности интересов, потребностей, ценностных ориентаций, способов времяпрепровождения.* Высокие баллы у русской молодежи свидетельствуют об идентификационных установках, более низкие установки у дагестанской предполагают высокую ориентацию на личную автономию. Обнаруживается парадокс: ценность личностной самостоятельности и независимости как ценностная ориентация русской молодежи в области семейных ценностей теряет свою значимость. У дагестанской молодежи добрачная конформность сменяется в области семейных ценностей высокой степенью самостоятельности и автономии.

3. *Шкала, измеряющая установку будущего супруга(и) на реализацию хозяйственно-бытовых нужд семьи.* Полученные данные свидетельствуют, что притязания молодежи в этой сфере выше, чем ожидания, то есть собственная активность в ведении домашнего хозяйства ценится (видится) выше. Возможно, это завуалированные притязания на главенство в семейной сфере. Следует отметить, что для русской молодежи как ожидания, так и притязания в этой сфере примерно одинаковы, тогда как в дагестанской среде установки (готовность) на собственное личное участие в реализации хозяйственно-бытовых нужд намного выше, чем ожидания подобных действий от партнера. По-ви-

димому, для русской молодежи за этим можно увидеть ориентацию на эгалитарный тип брачно-семейных отношений, а для дагестанской – на патриархальный вариант брачно-семейных отношений. С нашей точки зрения, дагестанская молодежь более реалистична в хозяйственно-бытовых ожиданиях и притязаниях.

4. *Шкала, позволяющая судить об отношении будущего супруга(и) к родительским обязанностям.* По полученным данным обнаруживается установка и русской, и дагестанской молодежи на собственную высокую активность и ответственность в воспитании детей. Картина ожиданий и притязаний у обеих групп респондентов примерно одинакова. Однако у дагестанской молодежи установки на принятие собственной ответственности за воспитание детей несколько выше.

5. *Шкала, отражающая установку будущего супруга(и) на значимость внешней социальной активности (профессиональной, общественной) для стабильности брачно-семейных отношений.* В данном случае обнаруживается, что и у русской, и у дагестанской молодежи ожидания проявлений социальной активности от партнера выше, чем собственная потребность в социальной самореализации. По-видимому, здесь дает знать о себе неопределенность профессиональных перспектив современной молодежи, некоторая неуверенность в завтрашнем дне, в возможности найти стабильную высокооплачиваемую работу.

6. *Шкала, отражающая установку будущего супруга(и) на значимость эмоционально-психотерапевтической функции брака.* И у русской, и у дагестанской молодежи притязания в этой сфере выше ожиданий, то есть собственное стремление стать семейным психотерапевтом сильнее, чем уверенность в возможности получить подобное от партнера. Причем и в ожиданиях, и в притязаниях в данном случае показатели русской молодежи выше.

7. *Шкала, отражающая установку будущего мужа (жены) на значимость внешнего облика, его соответствия стандартам современной моды.* У дагестанской молодежи в данном случае выше желание иметь внешне красивого партнера, у русской выше стремление самому выглядеть более привлекательно.

Приведем общие данные по функционально-ролевым приоритетам в обеих выборках в таблице 3.

Для русской молодежи главное в браке – эмоциональная близость партнеров, теплота отношений, для дагестанской – дети, их будущее

Таблица 3

**Семейно-функциональные приоритеты
русской и дагестанской молодежи**

семейные функции	русская	дагестанская
Интимно-сексуальная сфера отношений	4,847826	4,76923
Личностная идентификация с супругом	6,152174	3,95192
Хозяйственно-бытовая	12,173913	9,24038
Родительско-воспитательная	13,23913	13,91346
Социальная активность	12,10869	12,29807
Эмоционально-терапевтическая	14,521824	13,625
Внешняя привлекательность	13,326087	12,59615

Для функционально-ролевого существования брака русской молодежи характерна ориентация на эмоционально-терапевтическую подоплеку брака (вкуче с внешней привлекательностью и хозяйственно-бытовой функцией), а для дагестанской молодежи – на детско-родительскую сферу брачных отношений (вкуче с социальной активностью самих родителей). Для русских главное в браке – эмоциональная близость партнеров, теплота отношений, для дагестанцев главное в браке – дети, их будущее.

По методике Дж. Таусенда определяется принадлежность субъектов к динамически развивающимся, современным или традиционным культурным формациям (таблица 4).

Таблица 4

Результаты, полученные по методике Дж.Таусенда

Ориентация культуры на	Русская молодежь	Дагестанская молодежь
Прошкое	36,7%	45,4%
Настоящее	33,4%	35,6%
Будущее	29,9%	19%

Наглядно это представлено на рисунке 1.

Как следует из таблицы 4 и рисунок 1, общий контур культурно-ценностной ориентированности русской и дагестанской молодежи идентичен: наибольшее предпочтение респонденты отдают ценностям традиционной культуры. В контексте дагестанской культуры в большей степени проявляется ориентация на ценности традиционной (45,4 %) и современной (35,6 %) культуры, а вот ценности динамически развивающейся культуры (19 %) обладают значительно меньшей степенью выраженности. В контексте русской культуры обнаружено, что традиционная культурно-ценностная ориентиро-

Общий контур культурно-ценностной ориентированности русской и дагестанской молодежи идентичен

Русской молодежи больше присущи ценности динамически развивающейся культуры

ванность преобладает (36,7%), за ней следует ориентация на ценности современной культуры (33,4%), и замыкает – ориентация на ценности развивающейся культуры (29,9%).

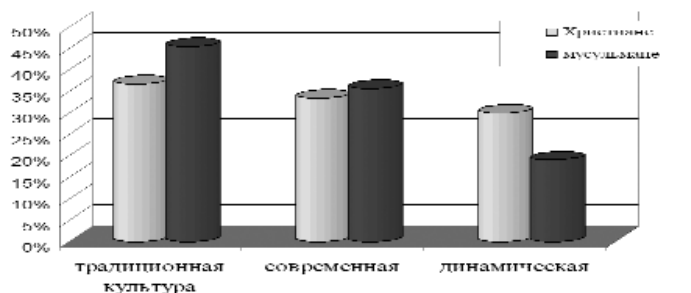

Рис. 1. Распределение культурно-ценностных ориентаций в выборке русской и дагестанской молодежи (мусульман и христиан)

В результате подсчетов критерия Фишера получаем следующие данные, оценивающие различия в русской и дагестанской выборках (таблица 5).

Таблица 5

**Степень отражения культурно-ценностных ориентаций в контексте мусульманской и христианской культур
(угловое преобразование Фишера ϕ^*)**

Тип культурно-ценностных ориентаций	Критерий Фишера
традиционная культура	1,27
современная культура	0,34
динамически развивающаяся культура	1,84

Как видно из таблицы 5, итоговые показатели, равные для ценностей современной культуры: $\phi^*_{\text{эмп}} = 0,34$ и для ценностей традиционной культуры: $\phi^*_{\text{эмп}} = 1,27$, не превышают критические значения ϕ^* , соответствующие принятым в психологии уровням статистической значимости и равные 1,64 ($p \leq 0,05$) и 2,28 ($p \leq 0,01$)(11). Полученные эмпирические значения ϕ^* находятся в зоне незначимости. Для ценностей динамически развивающейся культуры: $\phi^*_{\text{эмп}} = 1,84$, то есть различия являются статистически значимыми при $p \leq 0,05$. Таким образом, по полученным данным респонденты русская и дагестанская молодежь имеют

Степень выраженности ценностей в контексте русской и дагестанской культур

равно выраженные ценностные ориентации традиционной и современной культур, но русской выборке в большей степени присущи ценности динамически развивающейся культуры.

Анализируя степень выраженности ценностей в контексте русской и дагестанской культур видим, что значение F^* достигает критического уровня лишь в некоторых вопросах. Например:

- *«В моей культуре люди считают самым основным в своих взаимоотношениях»...* 29,2 % русской молодежи ответили: *«индивидуальность, самобытность личности»*, в дагестанской выборке этот показатель всего 4,0 %, $F^*_{эмп} = 5,3$, и различия статистически значимы при $p \leq 0,01$. 33,1% дагестанской молодежи ответили: *«наследство и происхождение»*, в русской выборке этот показатель всего 19,6%. $F^*_{эмп} = 2,22$ и различия статистически значимы при $p \leq 0,05$. Ответ *«большую семью»* выбрали 51,2% русской молодежи и 62,9% дагестанской. $F^*_{эмп} = 1,7$, различия статистически значимы при $p \leq 0,05$. Таким образом, вопрос о взаимоотношениях оказался самым дифференцирующим разделом теста культурно-ценностных ориентаций Таусенда.

- *«В моей культуре важнейшим фактором при принятии решений люди считают»...* Ответ *«будущее»* набрал в русской выборке 38,5%, а в дагестанской – 23,0%. $F^*_{эмп} = 2,35$, различия статистически значимы при $p \leq 0,05$.

Из всего сказанного можно сделать вывод о незначимой разнице ценностей в контексте русской и дагестанской культур и их традиционной ориентированности. Однако статистически подтверждается различие в большей ориентированности русских на эгоцентрические позиции, а дагестанцев на группоцентрические (в частности на семью и ближайший родственный круг).

Таким образом, в ценностях изучаемых респондентов обнаружены различия. Обе культуры преимущественно относятся к традиционным по классификации Ф. Клакхон и Ф. Стробека, но тенденции русской культуры ближе к динамически развивающимся культурам, а тенденции дагестанской культуры ближе к современным культурам. Различия касаются зависимости от ближайшего социального окружения, внутренней свободы и самостоятельного независимого позиционирования человека, степени регламентации действий и поступков со стороны сообщества, отношений к природе.

Гендерные
различия

Гендерные различия в культурно-ценностных ориентациях выражены в той же степени, что религиозно-культуральные. Так, итоговый показатель ориентированности на ценности современной культуры для мужчин равен 29,76 %, а для женщин почти на 10 % больше – 39,97 %. Ощутимая разница присутствует и в ориентированности на ценности динамически развивающейся культуры – 32,1 % у мужчин против 21,02 % у женщин, менее заметна гендерная разница в ориентированности на ценности традиционной культуры – всего 0,87 %. Но главное, получен абсолютно разный контур культурно-ценностных ориентаций: у мужчин преобладают ценности традиционной культуры, у женщин ценности современной культуры, второе место у мужчин занимают ценности динамически развивающейся культуры, а у женщин ценности традиционной культуры, и, наконец, третьи по важности у мужчин – это ценности современной культуры, а у женщин – ценности динамически развивающейся культуры. Из анализа культурно-ценностных ориентаций в гендерном аспекте можно сделать вывод, в соответствии с которым у женщин в наибольшей степени отражены ценности современной культуры, у мужчин центральное положение занимают ценности традиционной и динамически развивающейся культур.

Для дагестанской молодежи характерно рациональное отношение к себе, для русской – эмоциональное

Мотивационные и ценностные факторы имеют большое значение в выборе брачного партнера, но не менее важны и личностные качества, индивидуально-характерологические особенности (таблица 6).

Русскую молодежь отличает большая гибкость поведения, высокая сензитивность, спонтанность, ей свойственно выраженное самоуважение и самопринятие. Она в большей степени толерантна к проявлениям агрессии, контактна и имеет высокие познавательные потребности. Высокий балл русская молодежь набирает по шкале «Взгляд на природу человека».

Для дагестанской молодежи характерна ориентация во времени, поддержка, ценностная ориентированность, синергетичность и креативность.

Различия по общим баллам теста самоактуализации для русской и дагестанской молодежи статистически не значимы ($p \leq 0,001$). Различия на статистически значимом уровне обнаружены по параметрам «Поддержка» и «Самоуважение» ($p \leq 0,05$). Дагестанской молодежи свойственна опора на себя, а русской – большее самоуважение. Различие здесь достаточно тонкое, мы склонны трактовать это таким образом: для дагестанцев характер-

но рациональное отношение к себе, а для русских – эмоциональное, что, безусловно, находит свое отражение в брачной мотивации молодых людей.

Таблица 6

Индивидуально-характерологические особенности русской и дагестанской молодежи

Список шкал	Русская	Дагестанская
Шкала «Ориентация во времени»	11,47826	11,5673
Шкала «Поддержка»	45,63043	47,4904
Шкала «Ценностная ориентация	12,06522	12,1827
Шкала «Гибкость поведения»	12,45652	12,3269
Шкала «Сензитивность»	10,23913	9,84615
Шкала «Спонтанность»	9,217391	8,34615
Шкала «Самоуважение»	9,913043	9,48077
Шкала «Самопринятие»	11,21739	10,6635
Шкала «Взгляд на природу человека»	6,369565	6,21154
Шкала «Синергичность»	4,347826	4,375
Шкала «Принятие агрессии»	9,978261	9,13462
Шкала «Контактность»	10,93478	10,4712
Шкала «Познавательные потребности»	6,73913	6,60577
Шкала «Креативность»	6,108696	6,375

Особенности культур, отражающиеся в брачной мотивации молодых людей

По результатам нашего исследования мы можем сделать следующие выводы:

- в ценностной сфере брачной мотивации русской и дагестанской молодежи обнаруживается значительное ценностное единство. Различия касаются большей эгоцентрической ориентированности русской молодежи по сравнению с группоцентрической ориентацией дагестанской молодежи;
- брачные установки (потребность в семейном объединении) дагестанской молодежи выражены сильнее;
- культурно-ценностные ориентации русской и дагестанской молодежи отличает единство и большая ориентация на идеалы и нормы современной и динамически развивающейся культуры. Вероятно, это эффект городского образа жизни респондентов обеих выборок. Этнические и религиозные различия в культурно-ценностных ориентациях менее существенны, чем гендерные;
- различия в самоактуализации русской и дагестанской молодежи связаны с рационально/эмоциональным отношением к себе: для русских характерно более эмоциональное отношение к себе и другим, для дагестанцев – более рациональное отношение к себе и близким;

- семейно-ролевые ожидания и притязания имеют характерные различия: для дагестанской молодежи в брачной мотивации имеет большее значение факт родительства, рождения и воспитания детей, для русской – значимо эмоционально-позитивное партнерство;
- в брачной мотивации дагестанской молодежи более выражен чувственный компонент, для русской обнаруживается значимость социально-активного компонента;
- брачный выбор дагестанской молодежи является более зависимым и прагматичным, выбор русской молодежи характеризуется большей самостоятельностью и эмоциональностью;
- в русской культуре превалирует детоцентристский тип городской семьи, тогда как в дагестанской – патриархальный. Детоцентризм обуславливает появление эгоцентризма, инфантилизма и высокой эмоциональности у детей, но вместе с тем и большую теплоту в детско-родительских отношениях. Патриархальность обуславливает группоцентризм, высокую рациональность (быстрое включение во взрослую жизнь), психологический эффект ранней взрослости. Данные различия оказываются весьма значимыми для формирования брачной пары в будущем.

1. *Мухина В.С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – Екатеринбург, 2007.

2. *Лидерс А.Г.* Психологическое обследование семьи. – М., 2006.

3. *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. – М., 1991.

4. Цит. по: *Уоллерстайн Дж. С., Блейкли С.* Успешный брак. – М., 1995.

5. *Фотеева Е.В.* Образы мужа и жены: стереотипы обыденного сознания: Семья в представлениях современного человека. – М., 1990. – С. 96–115.

6. *Абалакина М.А.* Анатомия взаимопонимания. – М., 1990.

7. *Ковалев С.В.* Подготовка старшеклассников к семейной жизни. – М., 1991.

8. *Маслоу А. Г.* Мотивация и личность / Пер. с англ. А.М. Татлыбаевой. – СПб., 2001.

9. *Фромм Э.* Искусство любви. – СПб., 2001.

10. *Басс Д.* Стратегия выбора партнера // Хрестоматия «Сексология». – СПб., 2001. – С. 47–59.

11. *Ермолаев О.Ю.* Математическая статистика для психологов. – М., 2002. – С. 166.